ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кругликова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: oskruglikova@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ДАРВИНА В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ И ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Полемика вокруг дарвинизма, разгоревшаяся в русской прессе второй половины XIX в., ввела проблемы естествознания в мировоззренческий и политический спор либералов и консерваторов. В 1880-х гг. на страницах «Русского вестника» (Н. Н. Страхов) и «Русской мысли» (К. А. Тимирязев, Н. Г. Чернышевский) развернулся спор о книге Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование». Представленный в статье анализ в сопоставлении с современными реалиями позволяет утверждать, что вовлеченность научной популяризации в политический дискурс является одной из характерных черт отечественной прессы во все время ее существования.

Ключевые слова: *Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, К. А. Тимирязев, Н. Г. Чернышевский, дарвинизм, «Русский вестник», «Русская мысль».*

Olga S. Kruglikova, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of History of Journalism, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: oskruglikova@yandex.ru

DARWIN'S EVOLUTIONARY THEORY AS REFLECTED IN THE RUSSIAN CONSERVATIVE AND LIBERAL PRESS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article analyses the polemic about Darwinism in the Russian press of the second half of the 19th century. This controversy made the problems of natural science part of the worldview and political debate between liberals and conservatives. In the 1880s, two journals, the liberal Russkaya Mysl and the conservative Russkiy Vestnik, discussed N. Ya. Danilevsky's book "Darwinism: the Critical Analysis". For the authors of the former publication (K. A. Timiryazev, N. G. Chernyshevsky), the affirmation of the natural origin of the Earth and the human being was the basis for the struggle against clericalism. But some of them, the followers of socialist views, denied the struggle for existence as a factor in evolution, believing that this factor was not competition but cooperation. In Russkiy Vestnik, the conservatives (N. N. Strakhov) criticized Darwinism, defending the idea of creationism and development of nature in accordance with the divine plan of the Creator. The analysis of this polemic, as compared with up-to-date realities, makes

it possible to assert that the involvement of scientific popularization in political discourse is one of the characteristic features of the Russian press throughout its existence.

Key words: *N. Ya. Danilevsky, N. N. Strakhov, K. A. Timiryazev, N. G. Chernyshevsky, Darwinism, Russkiy Vestnik, Russkaya Mysl.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2018.101118

Политическое естествознание

Тесная сопряженность естественнонаучных проблем и политической повестки дня характерна для современного общественно-политического дискурса. Шумная *pr*-акция развернулась вокруг иска, поданного петербургской школьницей Марией Шрайбер против Министерства образования РФ, утвердившего преподавание теории Дарвина на уроках биологии в школе, что оскорбляло, по мнению истицы, религиозные чувства учащихся[1]. Академическое сообщество, со своей стороны, отреагировало тоже весьма резонансным обращением к руководству страны: в открытом письме В. В. Путину 10 академиков РАН выступили против клерикализации всех сторон жизни общества, в том числе науки[2]. Дискуссия о научных и мировоззренческих аспектах дарвинизма длится уже более полутора веков, сохраняя свое острое политическое звучание, и изучение ее начальных этапов весьма актуально, т. к. рассмотрение этого диалога в развитии дает возможность более глубоко понять характер идейного противостояния в настоящий момент.

Появление работ Ч. Дарвина, прежде всего труда «О происхождении видов путем естественного отбора», стало самым значимым и нашумевшим естественнонаучным открытием второй половины XIX в. Полемика, развернувшаяся вокруг него, вскоре перешла границы научного диспута, узкоспециальный труд стал настоящим бестселлером, не только выдержавшим множество переизданий, но востребованным даже в библиотеках русской глубинки: по выражению Н. Н. Страхова, книгу Дарвина «читали не одни ученые, а все жаждущие просвещения и боящиеся не отстать от века»[3]. С момента своего появления теория Дарвина имела не только научное значение: поставленный им вопрос о происхождении человека как биологического вида являлся вопросом мировоззренческим, «отдельные философы пытались приспособить дарвинизм под свои учения» (Трапезов, 2009: 250), появились и попытки вульгарной экстраполяции законов, открытых Дарвином

в природе, на жизнь социума, отразившиеся, прежде всего, в работах Г. Спенсера и Э. Геккеля.

Развитие естественных наук в России в середине XIX в. повлекло за собой широкое распространение материалистической философии. При этом естественнонаучное знание воспринималось как идейный базис не только для философских, но и для политических выводов. Популяризация достижений естествознания стала знаменем борьбы с религией и ассоциируемым с ней общественным строем. Как вспоминал революционер С. Лазо, целое поколение революционеров нашло в книге К. А. Тимирязева «Жизнь растений» самый короткий путь к пониманию марксизма (Лишевский,1987).

В XIX в. русские мыслители консервативного крыла опасались выхода естественнонаучных концепций за пределы научного дискурса, обоснованно полагая, что поверхностно принятые и произвольно распространяемые на сферу социальных процессов выводы естественных наук могут повлечь молодое поколение русской интеллигенции на путь революционных преобразований. Опасения консерваторов были небеспочвенны, развитие интереса «к вопросам естествознания и особенно физиологии <...> было тесно связано с укреплением материалистических взглядов на природу и человека», а также с «особенностями общественно-политической программы» (Сорокин, 1955) леворадикального, нигилистического крыла русской общественной мысли, самым ярким представителем которого был Д. И. Писарев.

Негативной стороной воззрений консерваторов было то, что из опасения политических последствий ложно понятого просвещения они зачастую предлагали придерживаться мер откровенно обскурантистского характера: многие из них требовали ограничения преподавания естественных наук в школах, например. Но среди консервативной части русской интеллигенции были и те, кто был готов к открытой содержательной полемике о животрепещущих вопросах современной им науки.

Русские критики Дарвина

В конце 1880-х гг. журнальная полемика вокруг дарвинизма получила новый толчок благодаря публикации в 1885 г. первого тома книги Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор». Работа была опубликована посмертно, автор не успел ее завершить,

однако сам он полагал, что именно в первом томе содержится основной смысл его труда, запланированные два тома продолжения рассматривались им лишь как дополнения. В марте 1886 г. появление книги, о которой «нужно кричать на площадях и проповедовать с крыш»[4], восторженно приветствовал знаменитый публицист-почвенник Н. Н. Страхов на страницах журнала-газеты «Гражданин», отметив, что книга являет «огромное обилие фактов, превосходно сгруппированных, неотразимую логику, чрезвычайное остроумие, совершенную точность и полноту в постановке вопросов»[5].

Необходимо отметить, что все полемисты были сторонниками идеи эволюции (или трансформизма, как чаще всего говорили в XIX в.), т. е. признавали процесс постоянного изменения не статичного, а находящегося в непрерывном развитии мира живой природы. Они расходились во мнениях относительно смысла, цели этого развития и факторов, на него влияющих. Признавая труд Дарвина «великим произведением человеческого ума» и вполне отдавая должное «его глубокой искренности» (Данилевский, 1885: 11), Данилевский критически рассматривал его учение. Возражения Данилевского были обширны и многочисленны, но в самых общих и упрощенных чертах можно указать несколько ключевых направлений этой критики: недопустимость сделанного Дарвином распространения на виды дикой природы тех законов, которые выявлены для одомашненных животных и культурных растений; противоречие между выдвинутой Дарвином идеей мозаичного характера изменчивости и признаваемой им же корреляцией изменений частей организма, иначе говоря, признание им одновременно существующими двух взаимоисключающих вещей – естественного отбора и соответственной изменчивости; пренебрежение нивелирующей ролью свободного скрещивания, препятствующего закреплению новых признаков; невозможность образования существующего разнообразия видов и форм живой природы тем путем, который указал Дарвин, в столь короткий срок, ведь дифференциация под действием естественно отбора заняла бы отрезок времени, существенно превышающий геологический возраст Земли (Поздняков, 2016; Назаров, 2005).

Многие из выдвигавшихся антидарвинистами возражений (как, отметим, и многие положения самого Дарвина) были впоследствии устранены, уточнены и дополнены открытиями ученых-генетиков, давших более глубокое представление о механиз-

мах наследственности и изменчивости. Однако в рамках темы данной статьи нас в большей степени интересуют возражения не узкоспециального, а мировоззренческого плана, ведь для Данилевского важно было то, что дарвинизм «содержит в себе особое миросозерцание, высший объяснительный принцип <...> для целого миростроения, объясняющий собой все области бытия» (Данилевский, 1885: 4). Данилевский не принимал идею Дарвина о самопроизвольности и случайности тех изменений, которые становились причиной значительных трансформаций, в том числе образования новых видов: «В странной гипотезе Дарвина как нельзя яснее выражается то общее дарвинское миросозерцание, по которому целесообразность мирового устройства представляется лишь чем-то кажущимся, миражем, обманом чувств или скорее мысли, под которой кроется отсутствие всякой цели, всякого преднамеренного прилажения и приспособления» (Данилевский, 1885: 365). В отличие от теории Дарвина, провозглашавшей эволюцию результатом разнонаправленных, случайных, независимых друг от друга изменений отдельных признаков, «согласно взглядам Н. Я. Данилевского, эволюция осуществляется путем крупных резких изменений, что вполне согласуется с его представлением о разумности мира» (Поздняков, 2009: 35). Данилевский выступает как сторонник идеи целесообразности происходящих в природе изменений, ибо именно эта целесообразность развития всех явлений природы в определенном направлении и предполагает наличие главного – Творца, определяющего характер этого развития: «Каждое из таких крупных, внезапных, самопроизвольных изменений должно бы уже прямо занять свое место. В таком случае нечему бы было и погибать в борьбе за существование (разумея, конечно, не индивидуумы, а целые формы, группы), – не было бы и подбора; а целесообразность в приноровлении органических существ не могла бы быть объяснена иначе, как разумным предустановлением, то есть тем именно, для устранения чего и придумана вся теория Дарвина» (Данилевский, 1885: 151). При этом важно отметить, что Данилевский самого Дарвина не считал ни материалистом, ни атеистом, он полагал лишь, что научные выводы Дарвина в сознании его читателей могут устранить последнее научное основание философского деизма, подчеркивая, что деизм религиозный «ни в каком подобном основании не нуждается» (Данилевский, 1885: 10).

Н. Н. Страхов *VS* К. А. Тимирязев

В «Русском вестнике» в 1887 г. Страхов опубликовал статью о книге Данилевского, названную «Полное опровержение дарвинизма». Статья содержала подробный и весьма хвалебный разбор труда русского антидарвиниста. Видный русский ученый и популяризатор науки К. А. Тимирязев откликнулся в журнале «Русская мысль» статьей под названием «Опровергнут ли дарвинизм?», которая была несколько измененным изложением лекции, прочитанной им в Политехническом музее. Во время господства научного материализма было принято считать, что Тимирязев вышел бесспорным победителем из полемики с критиками Дарвина, своими выступлениями поставив непреодолимую плотину науки на пути ретроградства и мракобесия: «Это был триумф Тимирязева-лектора и победа защищаемого им дарвинизма <...> Тимирязев убедительно доказывает правильность, верность, справедливость теории Дарвина» (Лишевский, 1987). Хотя изредка звучали и другие мнения: например, крупный советский ученый-биолог, генетик А. Ю. Филипченко отмечал, что в своих возражениях Тимирязев выбирал самые слабые и незначительные стороны концепции Данилевского, оставляя без внимания действительно научные существенные возражения («Дарвинизм» Н. Я. Данилевского в оценке русских философов, историков и теоретиков биологии, 2016).

Анализируя эту полемику, нельзя упускать из виду тот факт, что новая работа Данилевского не воспринималась читателями и оппонентами автора в отрыве от его предыдущих сочинений, принесших ему популярность как философу. Его фундаментальный труд «Россия и Европа», в котором излагалась теория культурно-исторических типов, заложил основы будущего цивилизационного подхода к истории, а также стал идейным знаменем для тех политических сил, которые предлагали России «отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами» (Данилевский, 2008: 537) и перестать смотреть «на явления внутренней и внешней жизни России с европейской точки зрения и сквозь европейские очки» (Данилевский, 2008: 321). Эта работа вызвала широкую полемику и настроила против Данилевского часть русской интеллигенции, в том числе деятелей науки. Сторонники либеральных и социалистических взглядов, космополитическому мировоззрению которых претила идея национальной самобытности и отрицание всемирной цивилизации, считали Данилевского одним из идеологов враждебного лагеря, так что важ-

ной задачей в данном случае была не только защита концепции Дарвина, но и посрамление научных взглядов политического оппонента. «Палец перед глазом заслоняет далекое солнце. Свой, «наш талантливый писатель» всегда имеет шансы заслонить далекого, хотя бы и гениального, мыслителя»[6], – пишет Тимирязев, полагавший, очевидно, что одним из побудительных мотивов для русских критиков дарвинизма стало ревнивое отношение к успехам западной науки.

Тимирязев сосредоточил свой полемический пыл на том, чтобы обвинить русских критиков Дарвина в некомпетентности, в том, что они рассуждают о непосильных им предметах и все их писания есть только славянофильское шарлатанство, схоластическая реакция на успехи естественных наук. «Стоит ли отвлекаться от исследования новых фактов, от изучения старых мыслей, которых на свете так много и таких хороших, для того чтобы изобличить мелкую, изворотливую софистику дилетанта, ослепленного предвзятой идеей и задавшегося, очевидно, непосильной целью – остановить одно из могучих течений современной научной мысли?»[7] – таким риторическим вопросом задается Тимирязев в начале своего рассуждения о книге Данилевского. С точки зрения Тимирязева, автор «Дарвинизма» спорит с теми утверждениями, которых вовсе и не делал Дарвин, приписывая английскому естествоиспытателю выводы, никогда им не провозглашавшиеся, и, следовательно, «все свое опровержение он основывает только на своем непонимании этой теории»[8].

Благодаря скандальной популярности философских сочинений Данилевского, а также известности многих литературных трудов Страхова, в памяти потомков они остались, прежде всего, не как деятели естествознания, поэтому читателю XXI в. могут показаться обоснованными обвинения их в некомпетентности по части наук о природе. Но их современник Тимирязев не мог не знать, что и Данилевский, и Страхов имели естественнонаучное образование: Страхов защитил диссертацию на степень магистра зоологии и был автором переводов значительных научных сочинений (Брема, Ланге и др.), Данилевский окончил естественнонаучный факультет университета кандидатом, выдержал магистерский экзамен, но не защитил диссертации, т. к. был выслан из Петербурга по политическим обвинениям, но, несмотря на отсутствие формальной степени, стал крупным естествоиспытателем, членом нескольких научных обществ. Поэтому такое, очевидно пренебре-

жительное отношение к уровню компетентности своих оппонентов со стороны Тимирязева представляется несколько странным.

Уходя от разговора о научных теориях, ученый сразу переходит в плоскость личностного противопоставления Дарвина и Данилевского: «Дарвин своим трудом опроверг то, во что сам прежде верил, – он постоянно, в течение четверти века, сдавался перед очевидностью фактов, переходил от одного склада мыслей к другому. Дарвинизм озадачил Данилевского, как он сам о том повествует, возмутил весь его душевный склад. Данилевский встретил дарвинизм так же враждебно, как и проводил. Один сжег то, чему поклонялся, другой только ниже и ниже склонялся перед тем, перед чем и ранее уже клонил голову»[9]. По мнению Тимирязева, уже сам этот факт «не внушает доверия» к Данилевскому. Хотя почему для ученого именно готовность отказаться от своих убеждений предпочтительнее последовательности в отстаивании своих идей – остается неясным и никак не доказывает научной несостоятельности Данилевского.

Отметим, что к идеям Данилевского впоследствии апеллировал родоначальник концепции номогенеза Л. С. Берг, который первоначально, по его собственному признанию, под влиянием сложившегося стереотипа считал работу Данилевского «произведением ненаучным и тенденциозным», посему взял ее в руки лишь «для очистки совести», и с удивлением обнаружил, что «труд Данилевского – результат обширной эрудиции автора, есть произведение, заслуживающее полного внимания» («Дарвинизм» Данилевского в оценке русских философов, историков и теоретиков биологии, 2016: 59). Некоторые современные биологи (Назаров, 2005) также не относят труда Данилевского к умозрительным схоластическим возражениям против передовой науки, а полагают, что многие аспекты содержательной и методологической критики Данилевским дарвинизма остаются актуальными и сегодня.

В этом контексте яркая и, бесспорно, отмеченная недюжинным публицистическим дарованием полемическая статья Тимирязева представляется довольно тенденциозной, складывается впечатление, что в данном случае умышленно шутливый и ядовитый тон публикации имел целью замаскировать нежелание серьезно анализировать фундаментальные возражения оппонента, свести научную полемику к состязанию в острословии.

Поэтому в статье «Всегдашняя ошибка дарвинистов», которой Страхов решил ответить Тимирязеву на страницах «Русского вестника» в конце 1887 г., автору пришлось сознаться, что вести поле-

мику ему весьма затруднительно: «Отвечать по *существу* дела – вот что было бы всего лучше; но, к величайшему моему удивлению, оказалось, что это невозможно, потому что у г. Тимирязева, можно сказать, вовсе нет этого самого существа. Во всей его статье мне не удалось найти ни одного возражения, которое не было бы предусмотрено Н. Я. Данилевским и не было бы им основательно опровергнуто»[10]. При этом Страхов признается, что с самого начала пошел на хитрость: имея целью привлечь внимание русского научного сообщества к книге Данилевского, публикация которой прошла незамеченной, он умышленно в статье «Полное опровержение дарвинизма» неоднократно (в весьма уважительном и одобрительном тоне) упоминал Тимирязева, надеясь вызвать его на разговор о труде Данилевского. И хотя формально эта хитрость удалась, он, безусловно, не ожидал, что Тимирязев вместо серьезного разбора существа книги подвергнет ее автора едкому глумлению, к тому же сделает это в формате публичной лекции. «Никак не рассчитывал я на этот способ возражения, – пишет Страхов. – А что, думал я, если профессор потом вовсе не станет печатать своей лекции? Не имею же я права требовать этого напечатания; следовательно, мне невозможно будет ничем противодействовать впечатлению лекции. Наконец, пусть он ее и напечатает, – разве не исчезнет в печати самый тон речи и язвительное упирание на то или другое слово?»[11]. К радости Страхова, лекция была напечатана и появилась «возможность возражать на нее и привлечь к ответственности каждое ее слово»[12]. Пытаясь оставаться в поле «возражений по существу», далее в статье Страхов, в сущности, повторяет основные аспекты критики дарвинизма Данилевским, не привнося в полемику ничего существенного нового.

Социалисты и анархисты против дарвинизма

Дарвинизм критически осмыслялся не одними религиозными консерваторами. За год до смерти Н. Г. Чернышевский под псевдонимом «Старый трансформист» поместил в «Русской мысли» статью «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь». Публикация увидела свет в 9 книжке журнала за 1888 г., т. е. несколько позже статей Тимирязева.

Стоит отметить в данном случае специфику издательской политики журнала, редакция которого к этому времени управлялась В. А. Гольцевым. «Русская мысль» в период ужесточения цензуры

и усиления давления на прессу обоснованно видела себя одним из весьма немногочисленных органов печати, сохраняющих приверженность либеральному направлению, поэтому считала своей миссией предоставлять право голоса всем деятелям этого внутренне разнородного течения русской общественной мысли. Декларировавшаяся Гольцевым редакционная политика плюрализма мнений позволила поместить такие полярно противоположные по интенции публикации, как статьи Тимирязева и Чернышевского о дарвинизме, на страницах одного и того же журнала.

И для Чернышевского, и для Данилевского главным побудительным мотивом противостояния дарвинизму было понимание того, что учение это «есть не только и не столько учение зоологическое и биологическое, сколько вместе с тем и еще в гораздо большей степени учение философское» (Данилевский, 1885: 7), для обоих «спор о правоте Ч. Дарвина есть спор о важнейших основах бытия» (Ефремов, 2016: 202). Но Данилевский стремился опровергнуть его именно как естественник и натуралист, т. е. идя от разрушения научных оснований к сокрушению мировоззренческих выводов, а Чернышевский сразу акцентирует свое внимание в основном на философских аспектах, он вообще считает, что учение Дарвина «имеет публицистический характер», а для правильной трактовки произведений публицистики «надобно знать исторические обстоятельства, при которых возникли они, и политические мотивы, которыми они порождены»[13]. Данилевский, отметим, также иронизировал по поводу публицистического характера труда Дарвина, объясняя его популярность тем, что для успеха необходимо появиться своевременно (Данилевский, 1885: 510). Для Чернышевского дарвинизм был не более чем вариацией на тему мальтузианства, изложенной в терминологии естественных наук: «Вышло то же самое, как если бы Адам Смит принялся писать курс зоологии», – так Николай Гаврилович охарактеризовал дарвинизм в одном из писем еще в 1873 г.[14]

По мнению критиков Дарвина, опасность мировоззренческого влияния его книги заключалась в том, что из памяти не особо искушенной аудитории быстро исчезали научная составляющая и аргументация ученого, оставались только самые общие конечные выводы, которые постепенно начинали восприниматься уже в отрыве от их естественнонаучного происхождения и произвольно толковаться применительно к разным сферам. По выражению Страхова: «Ото всех книг, статей и толков о Дарвине, в умах чита-

телей, без всякого сомнения, осталось только то, что по Дарвину человек происходит от обезьяны»[15]. Вероятно, Страхов не вполне прав, так как был и второй аспект, прочно связанный в умах читателей с дарвинистской концепцией, – борьба за существование и ее необходимость для совершенствования биологических видов. Именно против признания благотворности борьбы за существование и протестовал Чернышевский.

Любопытно, что Д. И. Писарев, считавший себя соратником и последователем Чернышевского, в оценке значения и смысла учения Дарвина существенно расходился со своим учителем: если Писарев причислял себя к восторженным почитателям таланта английского естествоиспытателя, то Чернышевский являлся его последовательным критиком. Публикации Писарева о дарвинизме увидели свет более чем за 20 лет до появления статьи Чернышевского в «Русской мысли», однако сравнение взглядов Чернышевского и Писарева на теорию Дарвина представляется весьма интересным для иллюстрации феномена взаимоотношений двух поколений русской разночинной интеллигенции 1860-х гг. Молодые публицисты, считавшие себя последователями Чернышевского, своеобразно трактовали идеи старшего наставника. По меткому выражению В. К. Кантора, «он стал для них идолом, которого они всуе называли учителем, но учиться у него не хотели», а «вкладывали в его уста лишь то, что сами хотели услышать» (Кантор, 2005: 201), зачастую примитивизируя и упрощая. Расхождение во взглядах между Чернышевским и Писаревым особенно ярко проявилось в отношении идеи Дарвина о благотворности борьбы за существование.

Дарвином были описаны два направления борьбы за существование: во-первых, борьба с внешними неорганическими условиями обитания и другими видами (хищниками и паразитами); во-вторых, борьба особей одного вида друг с другом, то есть внутривидовая конкуренция. «Согласно представлениям Ч. Дарвина, именно внутривидовая конкуренция должна приводить к дивергенции и к замещению менее адаптированных форм более адаптированными» (Поздняков, 2016: 37), т. е. она является наиболее благотворным фактором для совершенствования живых существ. Этот тезис не мог не возмутить Чернышевского, ведь мироустройство, основанное на неослабевающей конкуренции, было совершенно чуждо социалистам, отталкивавшимся в своих представлениях о человеке и обществе от идеи всеобщей разумной кооперации.

Чернышевский предполагает, что ошибочность выводов Дарвина объясняется нарушением строгой научной методологии. Дарвин издавал свои труды не комплексно, а фрагментами, по мере того как прорабатывал ту или иную часть накопленного материала. Избрать такой принцип работы ученого побудили постоянные опасения за слабость своего здоровья, создававшую риск того, что его важнейшие идеи и аргументы могут просто остаться неопубликованными. Ввиду этих обстоятельств, говорит Чернышевский, Дарвин «обработал первую главу трактата, служащую предисловием к изложению его теории <...> После того, т. е. с 1868г. до конца жизни, он уже только блуждал по лабиринту черновых бумаг, масса которых все разрасталась и становилась все хаотичнее»[16]. На эту же особенность работ Дарвина иронично намекает и Н. Н. Страхов в рецензии на «Дарвинизм» Данилевского. Он пишет, что Данилевскому для четкого объяснения читателю самого предмета будущего разговора в начале своего труда пришлось «изложить Дарвиновы мысли во всей точности, почти везде его собственными словами, только в лучшем порядке»[17].

По мнению Чернышевского, Дарвин претендовал на глобальный обобщающий характер своего труда, а между тем оставил недоработанными его ключевые мысли: «Тратил годы за годами в исследованиях, бесполезных для разъяснения коренной задачи, и, подавляемый массой этой ненужной работы, не имел досуга вникнуть с должным вниманием в существенные вопросы своего труда»[18]. Именно то, за что Чернышевский критиковал Дарвина, заставляло Писарева восторгаться его основательностью как ученого: «Кажется, он шутить не любит, когда принимается за какое-нибудь изучение; придется потратить на голубей пять лет жизни – он так и сделает; понадобится десять – он и десять положит; а ведь не только голуби, но даже все домашние животные составляют только крошечный уголок того громадного мира явлений, который охвачен и в значительной степени разъяснен светлыми идеями Дарвина»[19]. Если Чернышевский упрекает автора «Происхождения видов» за отсутствие системных обобщений, то Писарев, напротив, с одобрением замечает, что «широких-то теоретиков много найдется, но зато теории их подбиты ветром и лопаются, как мыльные пузыри. А кто таким образом изучает голубей, тот уж ни одного слова не говорит на ветер»[20].

Чернышевский (как, отметим, и большинство даже самых яростных антидарвинистов) отдавал должное личным качествам

оппонента, отмечая, что Дарвину свойственны «неутомимое трудолюбие, безусловная добросовестность, искреннейшая скромность, доброжелательнейшая готовность признать чужие заслуги, отдавать полную справедливость трудам соперников, кротость незлобивой души, непоколебимая никакими нападениями врагов», и подчеркивая, что эти прекрасные качества «возбуждают во всяком честном человеке уважение к его труду»[21]. Однако эти качества не искупали того, что, по мнению Чернышевского, уму Дарвина была свойственна «ребяческая наивность», его методология – «клочки оптимистической философии в популярной переделке»[22], наивный оптимизм его проявляется в том, что ученый хочет объяснить полезность того, что на самом деле вредно, и утверждает, что под влиянием постоянного давления напряженной конкурентной борьбы виды могут совершенствоваться и приобретать более высокую организацию. Между тем как, по мнению Чернышевского, такое постоянное давление приводило бы истощению сил, не к совершенствованию, а к стремительной деградации, следовательно, «история тех кусочков протоплазмы или одноклеточных организмов, которые были первыми предками высокоорганизованных существ, и история следующего ряда предков этих существ шла в направлении противоположном действию естественного отбора, под влиянием какой-то силы или комбинации сил, противоположной ему и перевешивавшей его»[23].

Не называя конкретно те силы, которые он в данном случае имеет в виду, автор теории разумного эгоизма завершает статью пассажем, который свидетельствует о том, что наивно-оптимистический склад ума не был чужд и ему самому, а не только его оппоненту: «Все силы, повышающие организацию, – те силы, которые имеют благоприятное влияние на жизнь индивидуального органического существа, – содействуют хорошему ходу функций его организма и, если это существо имеет способность ощущения, возбуждают в нем своим действием ощущения физического и нравственного благосостояния, довольства жизнью и радости». В этом утверждении еще ярче проявляется разница в картине мира, представавшей перед мысленным взором Чернышевского и его более радикальных последователей. Мир, в котором все против всех и единственная движущая сила развития – всеобщая агрессия, Чернышевского, человека, по выражению Н. Бердяева, «очень кроткого», человека, в характере которого «были черты святости» (Кантор, 2005: 225), просто ужасала. Писарев же, напро-

тив, с нескрываемым упоением рисует, как «огромное большинство органических существ вступает в мир, как в громадную кухню, где повара ежеминутно рубят, потрошат, варят и поджаривают друг друга; попавши в такое странное общество, юное существо прямо из утробы матери переходит в какой-нибудь котел и поглощается одним из поваров; но не успел еще повар проглотить свой обед, как он уже сам, с недожеванным куском во рту, сидит в котле и обнаруживает уже чисто пассивные достоинства, свойственные хорошей котлете»[24]. В мировоззрении Писарева идея естественного отбора, в котором выживает сильнейший и сохраняется только лучшее, очевидно, служила неким псевдонаучным базисом для его социальных взглядов, выраженных в статье «Схоластика XIX в.»: «Что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам: во всяком случае – бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть»[25].

Важно отметить тот факт, что идеи Чернышевского, высказанные в публицистической форме и не претендующие на значение строго научных возражений против дарвинизма, имели апологетов и в научной среде. Идею о том, что значимым фактором эволюционного процесса является не только конкуренция, но и кооперация, высказал еще в 1879 г. ихтиолог профессор К. Ф. Кесслер. Впоследствии эту же идею развивал философ и естествоиспытатель П. А. Кропоткин, настаивавший на том, что внутривидовая взаимопомощь является стимулом эволюции гораздо более мощным, чем борьба за существование. Многократно переиздававшаяся книга П. А. Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции» вызвала многочисленные дискуссии в научных кругах (Трапезов, 2009).

Заключение

Рассматривая публицистическую дискуссию XIX в. о дарвинизме, можно не только выявить глубокую взаимосвязь между мировоззренческими установками ученых и публицистов и их теоретико-биологическими взглядами, но и отметить выраженное влияние на формирование научных концепций политических позиций того или иного полемиста. Признание разумности и целесообразности устройства природы столь же органично для представителей русского политического консерватизма, сколь неприемлема идея благотворности биологической борьбы за су-

ществование для социалистов или анархистов. Каждое общественно-политическое направление обращалось к вопросам естественных наук с целью просвещения читателей и выявления научной истины, но умышленно или неосознанно делало научную популяризацию в некоторой степени инструментом пропаганды своей политической доктрины. И можно с уверенностью сказать, что вовлеченность научной популяризации в политический дискурс, которую с обеспокоенностью констатируют современные ученые (Лисаченко, 2018), имеет долгую и разнообразную предысторию в процессе развития русской журналистики.

Примечания

[1] «Обезьяний процесс: школьница против эволюции» // РИА: Новости. Режим доступа: https://ria.ru/society/20070222/61128912.html (дата обращения: 15.04.2018).

[2] «РАН атакует РПЦ» // Газета.ru. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/2007/07/23/oa_245042.shtml (дата обращения: 15.04.2018).

[3] *Страхов Н. Н.* Рец. на кн. Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор» // Гражданин. СПб, 1886. № 25.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] *Тимирязев К. А.* Опровергнут ли Дарвинизм? // *К. А. Тимирязев.* Избр. соч.: в 4 т. М.: ОГИЗ-СЕЛЬХОЗГИЗ, 1948. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/timirjazew_k_a/text_1887_oprovergnut_li_darvinist.shtml (дата обращения: 17.04.2018).

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] *Страхов Н. Н.* Всегдашняя ошибка дарвинистов // Русский вестник. 1887. № 11. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1887_oshibka.shtml (дата обращения: 16.04.2018).

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] *Чернышевский Н. Г.* Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь // Русская мысль. М., 1888. № 9. С. 79–114. Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0450.shtml (дата обращения: 15.04.2018).

[14] *Чернышевский Н. Г.* Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. СПб: Тип. М. О. Вольфа, 1913. Т. 1. С. 69–71.

[15] *Страхов Н. Н.* Рец. на кн. Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор» // Гражданин. СПб, 1886. № 25.

[16] *Чернышевский Н. Г.* Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь // Русская мысль. М., 1888. № 9. С. 79–114. Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0450.shtml (дата обращения: 15.04.2018).

[17] *Страхов Н. Н.* Рец. на кн. Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор» // Гражданин. СПб, 1886. № 25.

[18] *Чернышевский Н. Г.* Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь // Русская мысль. М., 1888. № 9. С. 79–114. Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0450.shtml (дата обращения: 15.04.2018).

[19] *Писарев Д. И.* Прогресс в мире животных и растений // Русское слово. 1864. № 4. Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1864_progress.shtml (дата обращения: 15.04.2018).

[20] Там же.

[21] *Чернышевский Н. Г.* Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь // Русская мысль. М., 1888. № 9. С. 79–114. Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0450.shtml (дата обращения: 15.04.2018).

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *Писарев Д. И.* Прогресс в мире животных и растений // Русское слово. 1864. № 4. Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1864_progress.shtml (дата обращения: 15.04.2018).

[25] *Писарев Д. И.* Схоластика XIX века // Соч.: в 4 т. Том 1. Статьи и рецензии 1859–1862. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1955. Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0120.shtml (дата обращения: 18.04.2018).

Библиография

«Дарвинизм» Н. Я. Данилевского в оценке русских философов, историков и теоретиков биологии // Lethaea rossica. 2016. Т. 12. С. 47–62.

Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Петербург: Издание М. Е. Комарова, 1885.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008.

Ефремов А. В. Климент Тимирязев как критик Данилевского // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 21–23 мая 2015 г.) / редкол.: *Буренков А. В., Семыкин В. А.* и др. Курск: Изд-во Курск. гос. сельскохоз. акад., 2016. С. 201–206.

Кантор В. К. Христианский пафос Николая Чернышевского: срубленное «древо жизни» российской судьбы // Очерки русской культуры XIX в. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 186–234.

Лисаченко Д. А. Научно-популярное медиапространство: взгляд снизу // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матлы 57-го междунар. форума (19–20 апреля 2018 г.): в 2 т. / отв. ред. *В. В. Васильева*. 2018. № 2. Т. 1. СПб: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2018. С. 109–110.

Лишевский В. П. Ученые – популяризаторы науки. М.: Знание, 1987. Режим доступа: http://n-t.ru/ri/ls/up04.htm (дата обращения: 21.04.2018).

Назаров В. И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: КомКнига, 2005.

Поздняков А. А. Теоретико-биологические представления Н. Я. Данилевского // Lethaea rossica. 2016. Т. 12. С. 33–46.

Сорокин Ю. Д. И. Писарев // Соч.: в 4 т. Том 1. Статьи и рецензии 1859–1862. М., Гос. изд-во худож. литературы, 1955. Режим доступа: http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/100 (дата обращения: 18.04.2018).

Транезов О. В. Дарвинизм и уроки российской практической селекции // Вестн. ВОГиС. 2009. Том 13. № 2. С. 249–297.

Notes

Chernyshevskiy N. G. (1888) Proiskhozhdenie teorii blagotvornosti bor'by za zhizn' [Genesis of the Theory of Beneficial Effects of Struggle for Life]. *Russkaya mysl'* 9. Pp. 79–114. Available at: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0450.shtml (In Russian)

Chernyshevskiy N. G. (1913) *Chernyshevskiy v Sibiri: Perepiska s rodnymi.* [Chernyshevsky in Siberia: Correspondence with Relatives] SPb.: Tip. M. O. Vol'fa, T. 1. Pp. 69–71. (In Russian)

«Obez'yaniy protsess: shkol'nitsa protiv evolyutsii» [The Monkey Process: a Schoolgirl against the Theory of Evolution]. *RIA: Novosti*. Available at: https://ria.ru/society/20070222/61128912.html (In Russian)

Pisarev D. I. (1864) Progress v mire zhivotnykh i rasteniy [Progress in the World of Animals and Plants]. *Russkoe slovo* 4. Available at: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1864_progress.shtml (In Russian)

Pisarev D. I. (1955) *Skholastika XIX veka. Tom 1. Stat'i i retsenzii 1859-1862* [Scholasticism of the 19th century. Vol. 1. Articles and reviews of 1859-1862]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. Available at: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0120.shtml (In Russian)

«RAN atakuet RPTs» [The Academy of Sciences Attacks the Russian Orthodox Church]. *Gazeta.ru* Available at: https://www.gazeta.ru/2007/07/23/oa_245042.shtml (In Russian)

Strakhov N. N. (1886) Retsenziya na knigu N. Ya. Danilevskogo «Darvinizm. Kriticheskiy razbor» [A Review of N. Danilevsky's book "Darwinism: A Critical Analysis"]. *Grazhdanin* 25. (In Russian)

Strakhov N. N. (1887) Vsegdashnyaya oshibka darvinistov [Darwinists' Constant Mistake]. *Russkiy vestnik* 11. Available at: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1887_oshibka.shtml (In Russian)

Timiryazev K. A. (1948) Oprovergnut li Darvinizm? [Is Darwinism Disproved?]. Moscow: OGIZ – SEL'KHOZGIZ Publ. Available at: http://az.lib.ru/t/timirjazew_k_a/text_1887_oprovergnut_li_darvinist.shtml (In Russian)

References

«Darvinizm» N. Ya. Danilevskogo v otsenke russkikh filosofov, istorikov i teoretikov biologii ["Darvinism" by N. Danilevsky in the Assessment of Russian Philosophers, Historians and Biology Theorists] (2016). *Lethaea rossica* 12. Pp. 47–62. (In Russian)

Danilevskiy N. Ya. (1885) *Darvinizm. Kriticheskoe issledovanie.* [Darvinism. A Critical Analysis]. Peterburg: Izdanie M. E. Komarova. (In Russian)

Danilevskiy N. Ya. (2008) *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k romano-germanskomu.* [Russia and Europe. A Glance at the Cultural and Political Attitudes of the Slavic World to

the Romano-Germanic One]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. (In Russian)

Efremov A. V. (2016) Kliment Timiryazev kak kritik Danilevskogo [Kliment Timiryazev as a Critic of Danilevsky]. In *Tvorcheskoe nasledie Nikolaya Yakovlevicha Danilevskogo i ego znachenie dlya nauchnoy mysli Rossii i Kryma: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Simferopol', 21–23 May 2015 g.)* [Creative Legacy of Nikolai Danilevsky and Its Significance for Scientific Thought in Russia and Crimea: proceedings of the International Research-to-Practice Conference (Simferopol, May 21–23, 2015]. Kursk: Kurskaya gosudarstvennaya sel'skokhozyaystvennaya akademiya Publ. Pp. 201–206. (In Russian)

Kantor V. K. (2005) Khristianskiy pafos Nikolaya Chernyshevskogo: srublennoe «drevo zhizni» rossiyskoy sud'by [The Christian Pathos of Nikolai Crenyshevsky: the Cut Down "Tree of Life" of Russian Fate]. In *Ocherki russkoy kul'tury XIX v. T. 5. Khudozhestvennaya literatura. Russkiy yazyk* [Essays on 19th Century Russian Culture. Vol. 5. Literary Fiction. Russian Language]. Moscow: Mosk. Univ. Publ. Pp. 186–234. (In Russian)

Lisachenko D. A. (2018) Nauchno-populyarnoe mediaprostranstvo: vzglyad snizu [Popular Science Media Scene: Bottom View]. In *Vek informatsii. Media v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya: mater. 57-go mezhdunar. foruma (19–20 aprelya 2018 g.) № 2. T. 1* [Information Age. Media in the Modern World. St. Petersburg Readings: proceedings of the 57th International Forum (April 19–20, 2018). № 2. Vol. 1]. SPb.: Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikatsiy Publ. Pp. 109–110. (In Russian)

Lishevskiy V. P. (1987) *Uchenye - populyarizatory nauki.* [Scientists as Science Popularizers] Moscow: Znanie Publ. URL: http://n-t.ru/ri/ls/up04.htm (In Russian)

Nazarov V.I. (2005) *Evolyutsiya ne po Darvinu: smena evolyutsionnoy modeli.* [Evolution Alternative to Darwin: a Change of the Evolutionary Model] Moscow: KomKniga Publ. (In Russian)

Pozdnyakov A. A. (2016) Teoretiko-biologicheskie predstavleniya N. Ya. Danilevskogo [Theoretical and Biological Views of N. Danilevsky]. *Lethaea rossica* 12: 33–46. (In Russian)

Sorokin Yu. (1955) D. I. Pisarev [D. Pisarev]. In *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1. Stat'i i retsenzii 1859–1862* [Writings in Four Volumes. Vol. 1. Articles and Reviews of 1859–1862]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. Available at: http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/100 (In Russian)

Trapezov O. V. (2009) Darvinizm i uroki rossiyskoy prakticheskoy selektsii [Darwinism and the Lessons of Russian Practical Selection]. *Vestnik VOGiS*. 13(2). Pp. 249–297. (In Russian)

Поступила в редакцию
15.05.2018